Русские достопамятности
в. 4
1862

Е 96/195

E 96/195

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ

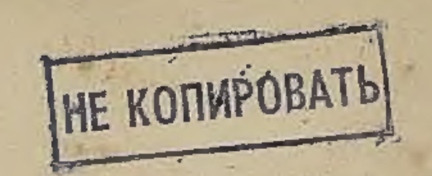
МИТРОПОЛІТЪ РОСТОВСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ.

МОСКВА.

1862.

96
195

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

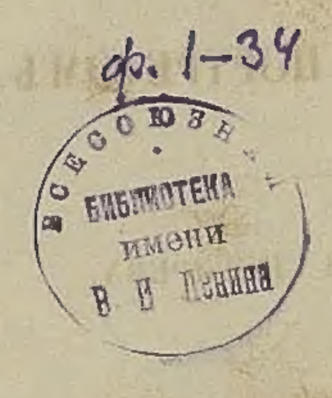
АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЬ

МИТРОПОЛІТЪ РОСТОВСКІЙ И ЯРОСЛАВСКІЙ.

СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ.

СОЧ. И СНЕГИРЕВА.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1862.

Одобрено цензурой. Москва, Октября 22 1862 г.

АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ.

На приложенномъ здѣсь портретѣ изображенъ старецъ, заключенный въ тѣсной тюрьмѣ съ однимъ узенькимъ окошкомъ, за желѣзною рѣшеткой; на подоконникѣ лежитъ кусокъ хлѣба — насущная пища узника; а на другомъ старинномъ его портретѣ, вмѣсто хлѣба, положена на окнѣ книга, вѣроятно, Библія; на обратной сторонѣ надпись: *Андрей страдалецъ.* На третьемъ живописномъ портретѣ, на мѣстѣ хлѣба и книги, виденъ кляпъ, которымъ заграждали уста опаснымъ арестантамъ и вынимали его только тогда, когда давалась пища. На старцѣ полушубокъ, на головѣ у него треухъ; отъ холода руки у него засунуты за пазуху. Надъ нимъ на стѣнѣ портретъ архіерея въ полномъ облаченіи и мітрѣ, похожій на этого тюремнаго сидѣльца, и, по видимому, однихъ съ нимъ лѣтъ. Кто бы могъ подумать, что это одно и то же лице — мужикъ и архіерей? Кто же этотъ человѣкъ, испытавшій такой поразительный «преходъ житія своего?» *

---

* Премудр. II, 5.

Въ этихъ двухъ видахъ намъ представляется злополучный Арсеній III Маціевичь, или Маскѣевичь, мітрополітъ Ростовскій, членъ святѣйшаго Сунода; ему суждено было испытать печальный жребій патріарха Никона, архіепіскоповъ Кіевскаго Варлаама Вонатовича и Тверскаго Өеофилакта Лопатинскаго, Воронежскаго епіскопа Льва Юрлова. Это случилось въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, которая приняла бразды правленія за малолѣтствомъ наслѣдника престола Павла I, бывшаго тогда восьми лѣтъ. Конечно должно быть велико преступленіе Арсенія, чтобы присудить ему столь жестокое наказаніе: изъ митрополіта обратить въ мужика, изъ Арсенія переименовать его Андреемъ, его фамилію Маціевичь перемѣнить на прозвище *Враль* и послѣ двадцати лѣтъ архіерейскаго его служенія на паствѣ, десять лѣтъ, какъ государственнаго преступника, влачить по Россіи, изъ одного тюремнаго заклепа въ другой, ставить къ истязательнымъ допросамъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, ловить каждое его слово и мановеніе, наконецъ дать ему могилу не въ соборной усыпальницѣ, но на арестантскомъ кладбищѣ.

Такой ужасный жребій испыталъ Арсеній—жаркій защитникъ правъ собственности духовенства. По характеру своему, твердый до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ и воспріимчивый до раздражительности въ столкновеніяхъ, онъ ополчался своимъ языкомъ и перомъ противъ раскольниковъ и вольнодумцевъ, противъ отнятія вотчинъ отъ монастырей и противъ злоупотребленія свѣтской власти. Въ его протестѣ противъ высочайшей воли Государыни выразился неразрѣшенный еще вопросъ о правахъ собственности церковной и государственной. Но

и въ такой неравной борьбѣ Арсеній, какъ вольная жертва своихъ убѣжденій, не палъ и не угасилъ своего духа, не измѣнилъ своему направленію, такъ что и самодержавная Государыня опасалась его влiянія даже въ мрачныхъ его заклепахъ. Въ тотъ вѣкъ, когда не терпима была гласность, когда смѣлое, свободное слово, хотя бы и правдивое, о дѣлѣ государственномъ и государевомъ ставилось наравнѣ съ государственнымъ преступленіемъ, въ тотъ вѣкъ отзывы Мацiевича о мѣрахъ и лицахъ правительственныхъ приняты были за оскорбленіе Величества и за крамолу, заслуживающія не только лишеніе архіерейскаго сана, но и смертную казнь. На порывы его ревности о благѣ духовенства имѣло влiяніе необыкновенное стеченіе странныхъ обстоятельствъ его полемической жизни и службы; то столкновеніе съ Сунодомъ, то съ Коллегіею Экономіи, то съ Сенатомъ; въ тѣхъ и другихъ онъ нашелъ себѣ враговъ, дѣйствовавшихъ противъ него и прямо и косвенно. Казалось, не всегда «ревность его была по разуму» и не всегда онъ оправдывалъ дѣломъ свое высокое титло смиреннаго; но его историческая личность, его энергическій характеръ, его упорная борьба съ обстоятельствами, влiяніе на его современниковъ, а болѣе печальный его жребій достойны участія и соболѣзнованія. Сколь ни старалась осторожная политика Екатерины II изгладить слѣды Арсенія затмить его память; но память его еще жива въ преданіяхъ народа, который, соединяя съ нею много чудесныхъ о страдальцѣ сказаній и странныхъ случаевъ, чтитъ этого ревнителя православной вѣры и благочестія, полнаго любви къ отечеству и народности, покровителя духовнаго просвѣщенія, пастыря безкорыст-

наго и добродѣтельнаго. Опальную его могилу отыскиваютъ путешественники; долго заглушаемое его имя вышло на свѣтъ изъ подъ спуда архивнаго и жизнь его сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованій. Сенаторъ Лопухинъ въ садахъ своего сельца Савинскаго * поставилъ памятникъ Арсенію и выдалъ его портретъ, съ котораго и здѣсь помѣщенъ снимокъ.

Пользуясь историческими фактами и не оставляя безъ вниманія мѣстныхъ преданій, представимъ здѣсь черты изъ его жизни.

Арсеній происходилъ изъ Польской шляхты, какъ показано у Нѣсѣцкаго въ Коронѣ Польской. ** Курсъ наукъ окончилъ онъ въ Кіевской академіи. Послѣ постриженія въ монашество, вскорѣ посвященный въ іеромонахи, онъ опредѣленъ при Московскомъ сунодальномъ домѣ экзаминаторомъ ставлениковъ Московской епархіи, Въ это время уже не было тамъ инквизитора, опредѣленнаго Петромъ I, для наблюденія за духовенствомъ; но еще ставили на правежъ за недоимки, подвергали пыткамъ виновныхъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Экзаминатору же вмѣнялось въ обязанность испытывать ставлениковъ въ священники и діаконы. Арсеній, твердый и настойчивый по своему сангвинико-холерическому темпераменту, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отличался строгостію въ исполне-

---

* Орловской губерніи.

** Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви. М. Евгенія. 2 части, изд. 2. Спб. 1827 г. въ 8. Очеркъ жизни М. Арсенія Мацѣевича, сдѣланный мною въ прошломъ году, нынѣ дополненъ любопытными и важными фактами изъ статей гг. Чистовича, Соловьева, Лонгинова и Г. С. Т. помѣщенныхъ въ газетѣ День 1862 г.

ніи своей должности; и какъ видно изъ дѣлъ, иногда ставилъ судъ выше милости.

Въ то самое время, какъ снаряжалась Камчатская экспедиція къ рѣкѣ Оби, для разузнанія и распространенія сдѣланныхъ Берингомъ открытій, Арсеній, по какимъ-то дѣламъ, отправился въ Архангельскъ, гдѣ архіепіскопъ Германъ, имѣвшій порученіе отъ св. Сѵнода избрать въ эту экспедицію по Сѣверному морю способнаго іеромонаха для отправленія церковной службы, предложилъ Арсенію это мѣсто въ 1734 году. Арсеній согласился. До отправленія этой экспедиціи, онъ пребывалъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ содержались многіе раскольники безпоповщинскаго толка. Самый игуменъ обители Іоасафъ и нѣкоторые монахи заражены были лжеученіемъ о прекращеніи на землѣ Церкви Хрістовой. Арсеній возревновалъ обличать ихъ заблужденіе словесно и писменно; но всѣ его увѣщанія и доказательства не могли подѣйствовать на закоснѣвшихъ въ своемъ вѣрованіи. Тогда онъ написалъ увѣщаніе Іоасафу, помѣщенное въ Православномъ собѣсѣдникѣ. *

Между тѣмъ настало время выступленія экспедиціи въ море. Поборникъ православія изъ Соловецкаго монастыря послѣдовалъ своему назначенію, гдѣ его ожидали испытанія. Намъ неизвѣстно, какъ и почему экспедиція не выполнила своего назначенія и чѣмъ именно навлекла на себя гнѣвъ Императрицы. Въ 1736 году января 24 Мацѣвича съ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ и съ прочею командой экспедиція

* Рус[illegible]кій В[illegible] [illegible] 18[illegible]2 г. № 32 [illegible] 26 и 2[illegible] [illegible] М[illegible] [illegible] *Ар[illegible]ні[illegible] [illegible]ieва*[illegible].

привезли подъ арестомъ изъ Пустозерскаго острога въ Адмиральтейскую Коллегію. Послѣ многихъ допросовъ, не нашли въ немъ никакой вины; но какъ слѣдствіе надъ офицерами еще продолжалось, то его отвезли на ту же эскадру, чтобы слѣдовать для показаній къ Архангельскому порту, а оттуда препроводили опять въ Пустозерскій острогъ. По окончаніи слѣдствія, подсудимыхъ отослали въ Адмиральтейскую Коллегію, а іеромонахъ Арсеній оставленъ въ Архагельскѣ. Въ 1737 году св. Сунодъ дозволилъ ему пріѣхать въ С. Петербургъ; но Адмиралтейство требовало, чтобы, до окончанія слѣдствія, изъ С. Петербурга ему не отлучаться; потому что онъ нуженъ былъ для повѣрки показаній въ дѣлѣ, конечно, почему нибудь важномъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года св. Сунодъ назначилъ Арсенія экзаминаторомъ ставлениковъ по С. Петербургскому духовному правленію, потомъ опредѣленъ онъ въ С. Петербургскую академію наукъ законоучителемъ для гимназистовъ.

Послѣ кончины Императрицы Анны Ивановны, между регенствомъ ненавистнаго Русскимъ Бирона и герцогини Анны Леопольдовны, лейтенантовъ Камчатской экспедиціи, бывшихъ подъ судомъ простили, Арсенія уволили отъ обязательнаго пребыванія въ С. Петербургѣ. Въ это время въ Сунодѣ предсѣдателемъ былъ покровитель Маціевича Амвросій Юшкѣвичь, пользовавшійся благоволеніемъ Бирона. Когда открылась въ Тобольскѣ мітрополічья каѳедра, представилъ Амвросій на это мѣсто іеромонаха Арсенія, который и посвященъ былъ прямо въ мітрополіта Сибирскаго, а черезъ годъ, переведенъ, подобно святителю Димитрію Ростовскому,*

* См. Словарь истор. М. Евгенія, ст. о Св. Димитріѣ Ростовскомъ.

по просьбѣ его, на Ростовскую и Ярославскую митрополію. Столь скорое и необыкновенное возвышеніе Арсенія не могло не возбудить зависти во многихъ, между прочимъ, и въ самыхъ членахъ св. Сvнода; завистники сдѣлались его врагами. Наконецъ смутное правленіе Анны Леопольдовны именемъ колыбельнаго императора Іоанна Антоновича уступило мѣсто мирному царствованію кроткой Елисаветы, когда уже архіереевъ, монаховъ и священниковъ не мучили, не казнили, не разстригали, не ссылали въ дальніе Сибирскіе города.*

Торжественное коронованіе Императрицы Елисаветы Петровны созвало 1742 г. въ Москву духовныхъ владыкъ; туда прибылъ и Арсеній для участія въ священнодѣйствіи помазанія на царство Государыни и въ ея личномъ присутствіи 6 октября освятилъ въ Москвѣ ксенодохіальную церковь св. Бориса и Глѣба въ Куракинской богадѣльнѣ у Красныхъ воротъ, сооруженныхъ Московскимъ купечествомъ въ память коронованія дщери Петровой и тамъ говорилъ проповѣдь.

По словесному предстательству Амвросія Юшкѣвича, помазавшаго на царство Елисавету, Арсеній наименованъ членомъ св. Сvнода; но онъ не являлся въ Сvнодъ, находя предложенную ему присягу несогласною съ формою Духовнаго регламента, и дополненную еще тѣмъ, чего не положено и въ свѣтской присягѣ, а именно: «Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самую Всероссійскую Монархиню, Государыню нашу Всемилостивѣйшую.» На

---

* Слово на день Благовѣщенія, Архимандрита Димитрія Сѣченова, марта 25, 1742 г. М. въ 4.

это Арсеній возразилъ, что Сѵнодъ, отставя настоящую главу Церкви Хріста Господа, Который есть единъ всѣмъ судебнымъ правительствамъ истинный крайній судія, вноситъ другаго крайняго судію въ равенство Хрісту; понеже, замѣчаетъ Арсеній, ежели исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ сѵмвола вѣры другаго кого, кромѣ Хріста крайняго судію, то уже Хрістосъ, въ котораго вѣруемъ и котораго Крестъ и Евангеліе по присягѣ цѣлуемъ, какій намъ останется быти судія? Къ сему-же наша Церковь святая, православновосточная не по иному какому резону и папу отмещетъ и антихрістомъ его быть присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Хрісту, сдѣлалъ себя цѣлой Церкви главою, сирѣчь крайнимъ судіею; а Монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судіи Хріста въ Евангеліи и Апостолѣ Монаршей власти повиноватися!»

На вопросъ Сѵнода, почему онъ не явился для принятія присяги, отвѣчалъ, что «подалъ Императрицѣ письменное справедливое, по хрістіанской совѣсти, донесеніе, къ которому ничего болѣе прибавить не можетъ.» Въ этомъ донесеніи Арсеній оправдываетъ себя, почему не принялъ присяги на правительство духовное.

Сѵнодъ объ этомъ представилъ докладъ Императрицѣ; но дѣло осталось безъ тѣхъ послѣдствій, какихъ онъ ожидалъ. Арсеній уѣхалъ изъ Москвы въ Ростовъ.

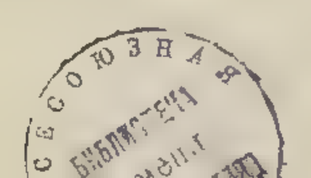
Въ слѣдующемъ году, по указу Императрицы Елисаветы Петровны, велѣно было собрать въ сенатъ и сжечь всѣ присяжные листы, по которымъ всѣхъ чиновъ люди въ бывшія два правленія герцога Браун-

швейгъ-Люнебургскаго Антона и герцогини Анны Браунщвейгской *, при повышеніи въ чины, присяги чинили. Въ числѣ такихъ присяжныхъ листовъ найдена и присяга Арсенія Мацієвича, при возведеніи его на степень архіерейства съ припискою къ словамъ печатнаго экземпляра: «и послѣдствовати мнѣ во всемъ и повиноватися всегда святѣйшему правительствующему Сvноду, яко правильной власти, отъ Хріста и Апостоловъ происходящей чрезъ хіротонію.»

Такая приписка, прежде читанная, и слышанная, тогда показалась подозрительною членамъ Сvнода, раздраженнымъ выходками Мацієвича и, вмѣсто того, чтобы сжечь его присяжный листъ, по примѣру другихъ, они послали къ Арсенію придирчивый запросъ: «чего ради и за чьимъ позволеніемъ, или единымъ своимъ разсужденіемъ и изволеніемъ и въ каковомъ разумѣ тѣ сверхъ печатнаго рѣчи, и прежде ли чтенія въ церкви той присяги, или уже по хиротоніи, будеже по хиротоніи, то когда именно, чрезъ кого ту присягу паки къ себѣ доставъ, Его Преосвященство приписалъ?» На это Арсеній отвѣчалъ: «Сей мой прилогъ въ присягу мою архіерейскую въ ту пору рукою моею приписалъ, Іскримъ канцеляристъ сvнодальный оную присягу мнѣ, по прошенію моему, переписалъ и предъ поставленіемъ

---

* Въ рѣдкой книжкѣ, напечатанной въ Москвѣ 1741 г. сентября въ 1 день, о побѣдѣ на супостаты, въ 12, читаемъ: „Еще молимся о благочестивѣйшемъ и самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ Імператорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ всея Росіи, и благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Аннѣ правительницѣ всея Россіи и о супругѣ ея великомъ государѣ герцогѣ Антонѣ, Брауншвейгъ-Люнебургскомъ, о благовѣрной великой княжнѣ Екатеринѣ Антоновнѣ, о благовѣрной Государынѣ Цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

СОЮЗНАЯ

моимъ архіерейскимъ, въ субботу мнѣ принесъ, а на другой день, въ воскресенье, было мое поставленье, и я, при производствѣ, обыкновенно оную рукописную присягу за собственноручнымъ подписаніемъ съ показаннымъ отъ мене приписаннымъ прилогомъ всѣмъ вслухъ тогда читалъ. И сіе совѣстію моею архіерейскою утверждаю, какъ бы мнѣ на судъ Божій стати и чаяти воскрешенія живота и воскрешенія суда. Прилогъ же мой показанный не во иной силѣ отъ мене приписанъ, только въ противность и въ крайнее отверженіе таковаго раскольническаго исповѣданія: Церковь не церковію, архіереи не архіереями, священницы не священниками, понеже де священство чрезъ хіротонію отъ Хріста и Апостоловъ происходящее, совсѣмъ потерялося. А кромѣ таковыхъ богохульниковъ, я не чаялъ и отнюдь не думалъ, чтобы другому кому, сирѣчь, кто Церкве святой, православновосточной придержится, могла быть противность. Вашему же святѣйшеству какая показалась въ томъ противность, прошу со всякою покорностію моею наставленія, и о томъ благопочтенно предложивши, навсегда пребываю св. правительствующаго Сунода послушникъ, смиренный Арсеній Мітрополітъ Ростовскій и Ярославскій своеручно. Іюля 12, 1743 года.»

Это доношеніе было слушано и опредѣлено предложить впредь къ докладу въ полномъ собраніи св. Сунода незабвенно. По рѣшенію св. Сунода, присяга сожжена при экзекуторѣ, а дѣло о приписныхъ Арсеніемъ рѣчахъ положено предложить къ докладу; но не видно, возобновлялся ли этотъ докладъ. Въ это время покровитель Ростовскаго мітрополіта Амвросій Юшкѣвичь не присутствовалъ за бо-

лѣзнію при такомъ слѣдствіи. Въ 1745 году онъ скончался. Въ 1744, посѣтило Ростовскаго Владыку новое, тяжкое испытаніе: отъ неосторожности причетника, непогасившаго свѣчу, сгорѣли опочивавшіе въ Ростовскомъ соборѣ около пяти вѣковъ, св. мощи благовѣрныхъ Князей Василія и Константина Всеволодовичей. Это навлекло неудовольствіе Сѵнода на Арсенія. Вскорѣ за тѣмъ Арсеній, страдавшій скорбутомъ и глазами, просился на покой въ Новгород-Сѣверскій монастырь. Сѵнодъ не замедлилъ представить Государынѣ докладъ объ увольненіи его отъ епархіи и объ отпускѣ ему содержанія по примѣру прочихъ архіереевъ, уволенныхъ на покой; но Императрица не утвердила такого доклада, и Арсеній, оставшись на своей епархіи, занимался устроеніемъ духовныхъ и училищныхъ дѣлъ, возраженіемъ на пашквиль лютеранскій на Камень вѣры и дополненіемъ къ сочиненію Ѳеофилакта Лопатинскаго, Обличеніе неправды раскольнической. Когда Государыня въ 1753 г. прибыла въ Москву, онъ въ письмѣ своемъ поздравлялъ ее съ пріѣздомъ, поднесъ ей свои сочиненія на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе; въ другомъ письмѣ благодаритъ Императрицу за присылку ему венгерскаго вина, которое, по приказу ея и по совѣту лѣкаря, началъ употреблять съ салволатилемъ.

Мітрополітъ Ростовскій посвятилъ свое вниманіе ученой и учебной части. Преобладаніе латинской схоластики въ семинаріяхъ нашло сильное противодѣйствіе въ Арсеніи; онъ старался, чтобы школы были Русскія. Такимъ направленіемъ онъ поставилъ себя не только на ряду съ просвѣщеннѣйшими современниками, но и опередилъ ихъ цѣлымъ столѣтіемъ. Впрочемъ не чуждо ему было и старинное предубѣжденіе противъ

математическихъ наукъ и астрономіи; по его мнѣнію, онѣ были для духовныхъ совершенно излишними и чуть не вредными. Въ 1747 году имъ перемѣщена семинарія изъ Ростова въ Ярославль; тогда уже въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія воспитывалось до 500 человѣкъ. Кромѣ церковнаго домостроительства, проповѣданіе Слова Божія и обличеніе раскольниковъ составляло одинъ изъ главныхъ предметовъ его дѣятельности на паствѣ; онъ даже роапталъ на прекращеніе строгихъ мѣръ противъ этихъ отщепенцевъ. Когда состоялся указъ о запискѣ желающихъ въ расколъ, тогда Арсеній говорилъ: «надлежитъ особливыя молитвы и эктеніи читать, и на проскомидіи часть вынимать; ибо де раскольники въ церковь не ходятъ и на нее плюютъ, и велѣлъ архимандріту читать особенныя молитвы, выписанныя изъ служебника: «о гонящихъ церковь.» * Что въ послѣдствіи, какъ увидимъ, было перетолковано и поставлено ему въ преступленіе.

Въ Москвѣ имъ напечатаны 1742, 44 и 49 годовъ семь поученій; въ библіотекѣ Ярославской семинаріи хранятся три тома рукописныхъ его проповѣдей. Въ подражаніе ревности по православію Святителя Димитрія Маціевичь сочинилъ обличеніе раскольниковъ, оставшееся въ рукописи и дополнилъ книгу Ѳеофилакта Лопатинскаго *Обличеніе неправды раскольничей*, напечатанную въ Москвѣ 1745 года.

Его монастырскія занятія нарушены были непріятными столкновеніями съ Коллегіей Экономіи и св. Су-

---

* Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Маціевичѣ, проф. Соловьева, День, № 16, 1862 г.

подомъ. Первая отправила къ нему нѣсколько инвалидовъ для помѣщенія въ Ростовскіе монастыри. Арсеній не принялъ ихъ, отозвавшись въ Коллегію, что на ихъ содержаніе не достаетъ денегъ. Коллегія жаловалась Сенату и Сvноду, потому, что, по ея расчисленію, у Ростовскихъ монастырей въ запасѣ было около тысячи четвертей хлѣба. Сенатъ потребовалъ отъ Мітрополіта объясненія. Арсеній отвѣчалъ, что послѣ подачи донесенія въ Коллегію Экономіи, въ разныхъ Ростовскихъ монастыряхъ пострижено изъ лишенныхъ монашескаго сана въ прошлое царствованіе около сорока человѣкъ, и потому недостаетъ лишнихъ порцій для инвалидовъ; къ оправданію своему онъ присоединилъ оскорбительныя выраженія. Сенатъ поручилъ Коллегіи разсмотрѣть объясненіе Ростовскаго владыки и дать свое мнѣніе, а Сvноду сообщилъ: «запретить преосвященному Арсенію такія оскорбительныя рѣчи, обращенныя къ лицу Сената, иначе Сенатъ вынужденъ будетъ доложить Государынѣ Императрицѣ.» Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ то же самое дѣло повторилось, только въ другомъ видѣ. Іюня 17, 1743 года Сvнодъ отправилъ въ Ростовъ какого-то юродиваго для помѣщенія тамъ въ монастырь. Арсеній отвѣчалъ на этотъ указъ довольно дерзко, назвавъ его неосмотрительнымъ и несправедливымъ. Сvнодъ жаловался на это Императрицѣ, которая повелѣла объявить Ростовскому мітрополіту указомъ, чтобы онъ «отъ подобныхъ продерзостей конечно воздержался, а ежели впредь будетъ къ регламенту и указамъ оказывать противленіе и презорство, то какъ помѣшатель добрыхъ порядковъ и общаго покоя, и какъ

противникъ и непріятель Высочайшей воли, нетолько сана архіерейскаго, но и клобука лишится.»

Въ самый праздникъ Рождества Христова 1761 года миновалось благотворное для Россіи царствованіе кроткой Елисаветы, покровительницы духовенства и благодѣтельницы Арсенія; быстро и незамѣтно протекло государствованіе Петра III, который, по словамъ манифеста 1762 года іюля 28, «угрожалъ отечественной Церкви перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона, святотатственно посягалъ на завѣщанныя для поминовенія вотчины у монастырей.» Вскорѣ затѣмъ наступило царствованіе Екатерины II, обѣщавшее преобразованія и разныя льготы народу, дворянству вольность. Назначенъ день ея коронованія, на которое однакожъ не вызвали Мітрополіта Ростовскаго, обнесеннаго Императрицѣ его врагами. Сентября 22 совершено священное ея мvропомазаніе Новгородскимъ архіепіскопомъ Димитріемъ Сѣченовымъ съ членами св. Сvнода. Причемъ услужливый этотъ Пастырь пожалованъ Мітрополітомъ.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина II уже замыслила отнять у архіерейскихъ каѳедръ и монастырей вотчины; но предъ коронаціей своей, сперва было утѣшила и успокоила духовенство возвращеніемъ по прежнему въ управленіе духовныхъ властей, отобранныхъ у нихъ имѣній; даже уничтожила, «впредь до приведенія въ порядокъ духовныхъ штатовъ,» Коллегію Экономіи, завѣдывавшую монастырскими вотчинами. «Мы не имѣемъ намѣренія», писала Императрица, «присвоить себѣ церковныя имѣнія; но только предписать законъ о лучшемъ ихъ устройствѣ.»

Въ началѣ царствованія Екатерины II опять явился

при дворѣ бывшій дотолѣ въ опалѣ, канцлеръ Графъ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому она имѣла уваженіе и довѣренность, какъ къ искусному дипломату; съ нимъ находившійся въ сношеніяхъ Ростовскій преосвященный жаловался ему на бѣдственное свое положеніе. «За отобраніемъ отъ дому архіерейскаго и отъ монастырей вотчинъ, писалъ къ нему: «приходитъ съ голоду умирать, понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ приѣдимъ, то и литургіи святой служить нечѣмъ и некому, всѣ принуждены идти нищими въ міръ; оставленныхъ лошадей кормить нечѣмъ; не жаль того, что лошади у насъ всѣ съ кобылицами и съ малыми жеребятами нарочнымъ полковникомъ, изъ Военной Коллегіи присланнымъ, отобраны и въ С.-Петербургъ сведены; только жаль того, что заводъ, отчасти славный въ Государствѣ (Бѣлогостицкій), совсѣмъ переведенъ.» Въ заключеніе Арсеній просилъ Бестужева-Рюмина «показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ его возвращены вотчины были по прежнему.» Вѣроятно, по письму Арсенія, Бестужевъ донесъ Императрицѣ о такомъ бѣдственномъ положеніи архіерейскихъ домовъ и монастырей, какъ можно заключать изъ ея къ нему писемъ. 8 августа 1762 года: она такъ писала къ нему: «Батюшка Алексѣй Петровичь! приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссіею ли учинить нынѣ, или послѣ сдѣлать коммисію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтами!» Въ слѣдъ за тѣмъ учреждена подъ собственнымъ наблюденіемъ Государыни особая коммисія изъ двухъ духовныхъ и трехъ

свѣтскихъ членовъ; въ числѣ первыхъ находился неприязненный Арсенію Димитрій Сѣченовъ, старавшійся заслужить благоволеніе Императрицы содѣйствіемъ видамъ ея политики. Коммисіи поручено было «составить правила о лучшемъ употребленіи церковныхъ имѣній, во славу Божію и пользу отечества.» Эта коммиссія отправила во всѣ монастырскія вотчины и архіерейскіе домы приходо-расходныя книги для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора, избранныхъ ею отставныхъ оберъ-офицеровъ для точнѣйшей повѣрки сообщенныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ церковныхъ имѣній. При такой ревизіи, не могло обойтись безъ столкновенія духовной власти съ свѣтскою; Архіерей поставленъ былъ въ отвѣтственности предъ офицеромъ въ приходахъ и расходахъ по монастырскимъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ простиралось крестьянъ до милліона.

Это возмутило душу Арсенія. Поборнику правъ духовенства казалось весьма оскорбительнымъ и неприличнымъ, какъ онъ выразился самъ, что «для составленія описей, офицеры будутъ входить въ алтарь и касаться церковныхъ сосудовъ и прочей священной утвари, что они въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ перещитывали деньги, перемѣривали хлѣбъ, добирали и вымогали недоимки, запечатывали магазины и амбары, выдавая все хозяевамъ и монастырямъ съ мѣры, вѣсу и щету. Вѣроятно, случалось, что настойчивость и самоуправство уполномоченныхъ коммисіею чиновниковъ иногда переступали предѣлы должнаго уваженія къ личности и сану архипастыря. Въ такомъ

распоряженіи Арсеній видѣлъ нарушеніе правъ церковной завѣтной собственности, униженіе духовенства, а въ отобраніи монастырскихъ вотчинъ чуть не прекращеніе монашества и архіерейства, безъ котораго «не иное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія нашея Церкви апостольской отступство, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и тако Государству нашему преходить будетъ не токмо со всѣми академіями, но и съ чинами или на раскольническое, или на лютеранское, или на кальвинское, или на армянское государство.» Опираясь на соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо, онъ ставилъ его выше смысла клятвеннаго своего обѣщанія, даннаго имъ при рукоположеніи въ архіерея: во всемъ повиноваться царской власти и надлежащимъ образомъ, по совѣсти своей, исполнять инструкціи, регламенты и указы, именемъ государя отъ предуставленныхъ начальниковъ объявленные. * Въ такомъ духѣ увлеченный негодованіемъ Арсеній подавалъ 6 марта 1763 года въ Сѵнодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія у монастырей вотчинъ и противъ вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла особливо противъ Мусина-Пушкина, бывшаго президентомъ Коллегіи Экономіи; онъ его называлъ «туркомъ», упрекая въ неисполненіи Христіанскихъ обязанностей. Имѣя въ виду не столько свои личныя выгоды, сколько интересы своего сословія, нелюбостяжательный архипастырь въ протестахъ излилъ всю желчь своего оскорбленія. «Горе намъ бѣднымъ архіереямъ,» писалъ онъ, 6 марта, «яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ пра

---

* Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. М. 1816 г. въ 4.

вовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ.» О членахъ коммисіи отзывался онъ, что «они насилу въ Бога вѣруютъ!» * Между тѣмъ разосланы были къ архіереямъ и монастырямъ печатныя инструкціи и формы описей церковныхъ имуществъ. «Церковь, жаловался Ростовскій Мітрополітъ,» еще и отъ прошедшаго, недавно бывшаго удара и разоренія не отдохнула и въ чувства не пришла, а тутъ опять на нее навѣты и нападенія. Прошлаго года мы остались безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна, тоже будетъ и теперь съ превосходствомъ. Крестьянамъ сперва понравится платить оброкъ, вмѣсто работы; а какъ опустошатъ лѣса и луга, то хоть душу изъ нихъ возми, не будутъ платить оброка; архіерейскіе домы не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ водовоза и послѣдняго работника останутся. Въ малое время благочестіе можетъ перевестись, такъ что и слѣда его не останется.» Какъ опытный въ хозяйствѣ, къ этому присовокупилъ заботливый владыка: «У насъ не Англія, едиными деньгами жить и пробиваться, а паипаче монастырямъ и домамъ архіерейскимъ, на которыхъ работать мужику сноднѣе и способнѣе, нежели деньги давать, которыми бы аще онъ и изобиловалъ, то лучше ему умереть, нежели съ ними разставаться, а когда надлежащія деньги отдастъ, то на едину нужду домашнюю и работу послѣднюю, воспослѣдуетъ домамъ архіерейскимъ и монастырскимъ деньги сорить, какъ полову, тогожъ мужика крестьянина своего прося и

---

* Въ дѣлахъ главнаго архива Мин. иност. дѣлъ.

моля, дабы принялъ, какія хочетъ, деньги, а не отрицалъ бы послужить; а онъ на то ниже будетъ смотрѣть и за малое дѣло будетъ вдвое и втрое денегъ требовать.»

Еще прежде подачи въ Сѵнодъ письменныхъ своихъ протестовъ, Арсеній словесно выражалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, который лежалъ у него на печеняхъ; даже въ недѣлю православія, къ чиноположенію отважился прибавить «анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей,» и съ такимъ прибавленіемъ это чиноположеніе послано имъ было къ Костромскому епископу Дамаскину; но этотъ его благопріятель, хотя и не рѣшился дѣйствовать согласно съ нимъ: однако не захотѣлъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы не быть предателемъ собрата. За что самъ подвергся строжайшему выговору отъ Сѵнода, какъ бы соучастникъ.

Всѣ такіе отзывы и поступки доходили до чуткаго слуха Екатерины, которая не любила гласности и видѣла въ нихъ дерзкое себѣ противорѣчіе, а въ Арсеніи *лицемѣра, пронырливаго* и *властолюбиваго, бѣшенаго враля*, небезопаснаго для себя, какъ она сама выразилась; но Арсеній дѣйствовалъ и говорилъ не тайно, а открыто, смѣло шелъ на крестъ, зная, что̀ его ожидаетъ за протесты отъ самодержавной Государыни и святѣйшаго Сѵнода, имъ раздраженнаго. Но видно, что слова этого *враля* за живое ее задѣвали, такъ что она не осталась равнодушною при своемъ «материнскомъ милосердіи и человѣколюбіи», о которыхъ напоминала въ письмахъ своихъ. Послѣ своего коронованія, она хотѣла представить народу примѣръ своего благочестія, и въ маѣ слѣдующаго года, въ

сопровожденіи Новгородскаго мітрополіта Димитрія и многочисленной свиты, отправилась въ Троицкую лавру для поклоненія св. мощамъ преподобнаго Сергія и въ Ростовъ для переложенія въ новую богатую раку св. мощей Святителя Димитрія Ростовскаго, открытыхъ преосвященнымъ Арсеніемъ. Февраля 28, 1763 г. она писала къ своему штатъ-секретарю Олсуфьеву: «Адамъ Васильевичь! Понеже я знаю властолюбія и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю, боясь, чтобы онъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня не поставилъ. Извѣстите меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказомъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится и есть ли не взяты, то возмите всѣ осторожности, чтобы оная рака безъ меня отнюдь поставлена не была.» Вслѣдствіе такого повелѣнія, рака поставлена была, впредь до указу, въ особомъ мѣстѣ церкви, подъ охраненіемъ маіора съ солдатами. Изъ этого можно заключить, что до Императрицы дошли какіе-либо слухи о намѣреніяхъ и отзывахъ Арсенія, или она сама опасалась, чтобы онъ ей не помѣшалъ исполнить ея предпріятіе къ ея славѣ. Но такія предупредительныя мѣры оказались излишними, обнаружили только сильное негодованіе и опасеніе осторожной Государыни, встревоженной тогда Хрущевскимъ и Гурьевскимъ заговоромъ и разными слухами о дѣйствіяхъ ея политики*. Протесты Арсенія слушаны и осуждены были въ Сvнодѣ.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 15 апрѣля, въ оффиціальной статьѣ оглашено, что «доношеніе Арсенія отъ начала до конца наполнено ядомъ оскорбленія Величества.»

* Указъ 1762 г. окт. 19.

Сvнодъ тогда пребывалъ въ Москвѣ; первенствующимъ его членомъ былъ Новгородскій мітрополітъ Димитрій Сѣченовъ, за нимъ Московскій мітрополітъ Тимоѳей Щербатскій, С.-Петербургскій архіепіскопъ Гавріилъ Кременецкій, Крутицкій архіепіскопъ Гедеонъ Криновъ, Псковскій епіскопъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, Тверскій епіскопъ Аѳанасій Вальковскій и Новоспасскій архимандрітъ Мисаилъ. Большая часть сvнодальныхъ членовъ согласовались съ видами Государыни, съ мнѣніями Димитрія и съ распоряженіями оберъ-прокурора, слѣдственно были противниками Арсенія; тайные его приверженцы не осмѣливались возвысить голоса въ его защиту. Главнымъ же дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ случаѣ былъ честолюбивый Димитрій, сообразовавшійся своему вѣку и царскому двору.

Они поднесли въ подлинникѣ Государынѣ Арсеніево роковое доношеніе, при особливомъ отъ себя всеподданнѣйшемъ докладѣ. Разсмотрѣвъ, она возвратила его Сvноду съ тѣмъ, чтобы самъ онъ «судилъ своего сочлена, какъ злонамѣреннаго и преступника.» Между тѣмъ Арсеній продолжалъ свое служеніе на паствѣ своей. Однажды, (то было въ половинѣ марта мѣсяца) пришедши въ покоп свои отъ вечерни, онъ сказалъ своему келейнику: «не запирай воротъ на ночь! гости будутъ ко мнѣ въ полночь.» Келейникъ недоумѣвалъ, какихъ гостей разумѣетъ преосвященный. Но въ самую полночь является къ нему гвардейскій офицеръ Дурново, проситъ у него благословенія; Арсеній не благословляетъ, говоря, что онъ уже не архіерей. Тотъ подаетъ ему сvнодскій указъ слѣдующаго содержанія: «14 марта опредѣлено ваше преосвященство, чрезъ нарочно отправленнаго гвардіи

оберъ-офицера привезть въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ вашему преосвященству, съ собой не брать, и имѣющіяся въ кельяхъ вашего преосвященства письма, кромѣ печатныхъ книгъ, собравъ въ одно мѣсто, вашею и того оберъ-офицера печатью запечатавъ, взять оному оберъ-офицеру въ Москву.» Арсеній, предвидя, или предчувствуя, что онъ навсегда оставляетъ Ростовъ, хотѣлъ было помолиться и приложиться къ св. иконамъ и мощамъ въ Ростовскомъ соборѣ; но ему не позволили. По пріѣздѣ въ Москву 14 апрѣля Арсеній уже содержался подъ крѣпкою стражей въ Симоновѣ монастырѣ, какъ государственный преступникъ. * Вѣроятно, и нарочно взяты съ нимъ его три служителя, не для услуги ему, но для исповѣди въ покаянной Сыскнаго приказа. Императрица писала къ оберъ-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли враля, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ.» Намъ неизвѣстно, какого рода была эта исповѣдь; въ присутствіи Императрицы, Орлова, Глѣбова и Шишковскаго, только видно, что Арсеній до того простеръ свою дерзость въ объясненіяхъ, что Императрица зажала себѣ уши, а ему «заклянили ротъ.»

Изъ Симонова монастыря 14 Апрѣля Арсеній представленъ былъ въ полное присутствіе Сѵнода и, при первомъ допросѣ, какъ объявлено было въ газетахъ, «сознался въ своей продерзости;» но какъ полагать надобно, судя по характеру этого подсудимаго, «не пощадилъ устъ своихъ». Его собратія и сочлены при-

---

* Москов. вѣдомости 1763 года, Апр. 14.

судили его лишить сана архіерейскаго и разстригши изъ монашества, предать суду свѣтскому, по которому Ростовскій мітрополітъ за оскорбленіе Величества долженъ быть казненъ смертію. Такой приговоръ поднесенъ на утвержденіе Государынѣ, но она, какъ значится въ указѣ сvнодскомъ, «по великодушію и милосердію своему природному», соизволила освободить Арсенія отъ суда свѣтскаго и истязанія, а повелѣла оставить ему одинъ только монашескій чинъ и сослать его въ отдаленный монастырь подъ присмотръ настоятеля. Осужденный призванъ былъ въ Сvнодъ для объявленія ему и для исполненія указа. По Москвѣ тогда уже разнесся слухъ, что будутъ снимать санъ съ Ростовскаго мітрополіта въ крестовыхъ патріаршихъ палатахъ, куда допущено было священство и монашество. Толпы народа, побуждаемыя любопытствомъ и состраданіемъ, окружили Сvнодальный дворъ, такъ что и солдаты не могли ихъ разогнать, къ тому еще подѣйствовало на встревоженные умы народа, вскорѣ послѣ того случившееся, внезапное паденіе церкви Трехъ Святителей Московскихъ, смежной съ крестовою палатой *, гдѣ осудили Арсенія.

Арсеній предсталъ на судъ, какъ бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ, въ бѣломъ клобукѣ, съ панагіею на персяхъ и съ архипастырскимъ посохомъ въ рукѣ. По прочтеніи ему высочайшаго указа, рѣшавшаго его участь, члены Сvнода, одинъ послѣ другаго снимали съ него священныя утвари: кто мітрополічій клобукъ, кто омофоръ, кто панагію, кто отобралъ у него посохъ и т. д. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ обращены были

---

* Іюня 4, 1763 г. Протоколы Коллегіи Экономіи, № 93.

на выраженіе его лица, подмѣчали всѣ его мановенія и слова для того, чтобъ донести Императрицѣ, которая желала узнать всѣ подробности, касавшіяся до Арсенія при его низложеніи. Но при такомъ поразительномъ дѣйствіи, Арсеній, убѣжденный въ справедливости своей, вмѣсто страха и унынія, обнаружилъ свое негодованіе на собратій, и если только вѣрить преданію современниковъ, предсказалъ нѣкоторымъ изъ судей своихъ плачевный жребій. Такъ предвѣщалъ онъ первенствующему члену Сѵнода Димитрію мучительную кончину: задохнуться собственнымъ языкомъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому смерть отъ мясника: «тебя, яко вола, убіютъ,» произнесъ онъ, потомъ обратясь къ юному епископу Псковскому Гедеону, сказалъ: «ты не увидишь своей эпархіи.»*

При этомъ трогательномъ зрѣлищѣ, не могъ удержаться отъ слезъ добрый митрополитъ Московскій Тимоѳей. Лишенному сана подали простое черноческое одѣяніе и взяли съ него подписку, что съ этихъ поръ не только митрополитомъ и архіереемъ, но даже іеромонахомъ не будетъ именоваться и писаться ни подъ какимъ видомъ.

Отъ сюда начинается рядъ десятилѣтнихъ страданій Арсенія. Изъ патріаршихъ палатъ повезли его подъ строгимъ карауломъ унтеръ-офицера и четырехъ сол-

---

* Замѣчательно, что судей Арсенія дѣйствительно постигла предсказанная имъ бѣдственная участь. Митрополитъ Новгородскій Димитрій, не дождавшись блистательной награды, кончилъ дни свои въ ужасныхъ страданіяхъ; архіепископъ Московскій Амвросій убитъ чернію внѣ воротъ Донскаго монастыря, епископъ Псковскій Гедеонъ, вскорѣ послѣ того, удаленный по высочайшему повелѣнію, изъ Москвы въ свою эпархію, не доѣхавъ до Пскова, умеръ на дорогѣ.

датъ, сперва въ Ѳерапонтовъ монастырь, куда нѣкогда сосланъ былъ изъ Москвы низложенный Никонъ Патріархъ, потомъ въ Николо-Корельскій, гдѣ бѣдственно кончилъ дни свои бывшій Архіепископъ Новгородскій, вице-президентъ св. Сѵнода Ѳеодосій Яновскій. Эпархіальному архіерею накрѣпко предписано было приставить къ ссыльному караулъ и развѣдывать пристойнымъ образомъ, такъ ли его содержатъ, какъ приказано. Но видно явились тогда и защитники Арсенія и въ томъ числѣ Бестужевъ-Рюминъ, къ которому (30 марта 1763 г.) Государыня писала: «Я чаю ни при которомъ Государѣ столько не было за оскорбителя Величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ Сѵнодомъ митрополита Ростовскаго; и не знаю, какую я бы причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи? прежде сего, и безъ всякой церемоніи и формы, по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благосостояніе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), если бы возмутители не были наказаны.»

Тѣмъ кончился духовный судъ надъ Арсеніемъ Мациевичемъ и тѣмъ началось учрежденіе духовныхъ штатовъ. Отобранныя Екатериною II отъ монастырей вотчины, большею частію, розданы близкимъ ей особамъ; за ревностное ей содѣйствіе Митрополитъ Димитрій Сѣченовъ награжденъ тысячью душъ крестьянъ; но въ то время, какъ томительная смерть была у него за плечами, честолюбіе его не довольствовалось ни богатою наградой, ни высокимъ саномъ Митрополита Новгород-

скаго; онъ, какъ гласитъ преданіе, тщетно домогался и надѣялся титла всероссійскаго Мітрополіта.

Легко можно себѣ представить, какое вліяніе имѣло это преобразованіе на духовенство, на бытъ и хозяйственный обиходъ монастырскій и на духовныхъ властей, поддерживавшихъ земледѣліе, содержавшихъ училища и богадѣльни, кормившихъ слободы нищихъ; одно только замѣтимъ, что съ того года вздорожалъ хлѣбъ. Не такъ на это смотрѣло дворянство, которое роптало, что предки ихъ, на свое поминовеніе, отказывали ихъ наслѣдственныя вотчины въ монастыри. Вспоминая случайныя злоупотребленія, забывали благоупотребленіе.

Но не оставимъ злополучнаго Маціевича и послѣдуемъ за нимъ въ его заточеніе. Библіотека его, состоявшая изъ церковно-славянскихъ, чешскихъ, русскихъ, польскихъ и латинскихъ книгъ, описана, такъ какъ и самое его имущество, весьма незначительное, свидѣтельствовавшее о его нелюбостяжательности.

Въ Николо-Корельскомъ монастырѣ онъ содержался подъ карауломъ; ему отпускали на пропитаніе сперва 10, потомъ 15 и 50 коп. въ день; но не давали ни пера, ни чернилъ, ни бумаги. Постороннихъ людей къ нему не допускали; не велѣно было входить съ нимъ въ какое-либо сношеніе; дозволено было ему только посѣщать церковь въ часы богослуженія и то подъ карауломъ; изъ всего этого видно, что опасались его пера и языка; ибо знали, что Маціевичь не удержитъ ни того, ни другаго, чтобъ не высказать своихъ убѣжденій. Не смотря на это, мѣстныя власти тамъ не могли отвыкнуть отъ мысли, что предъ ними бывшій мітрополітъ, пострадавшій за духовенство, а не простой монахъ, признанный за государственнаго преступника. Его по-

читали мученикомъ за правду, какимъ и онъ самъ выдавалъ себя предъ окружавшими его. «Вотъ, прежде», говаривалъ онъ, «нашу братью архіереевъ почитали цари и во всемъ благословенія требовали, и тогда наша братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ обличала; а я какъ послалъ правильное доношеніе, такъ за мою правду и въ ссылку меня сослали.»

Архимандритъ и братія принимали у него благословеніе, какъ у архипастыря, дозволяя ему непозволительные для заточника поступки. Арсеній, приходя въ церковь къ обѣдни по праздникамъ, вынималъ на проскомидіи части за гонящихъ и обидящихъ Церковь Божію, подъ которыми, какъ самъ объяснилъ, разумѣлъ «предателя Димитрія Новгородскаго и Гавріила Кременецкаго С.-Петербурскаго и всѣхъ нѣмецкихъ чиновъ, которые объ отнятіи монастырскихъ вотчинъ старались и въ коммиссіи присутствовали.» Послѣ заамвонной молитвы, читалъ онъ съ толкованіемъ Катихизисъ, Четьи-Минеи, Толковое Евангеліе, Книку Іераполитику и Алфавитъ духовный, а служившіе стояли по сторонамъ его въ облаченіи, какъ обыкновенно бываетъ, когда проповѣдуетъ архіерей. Архимандритъ часто посѣщалъ Арсенія и говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ; участникомъ въ ихъ бѣсѣдахъ бывалъ и приставленный къ нему подпрапорщикъ Алексѣевскій. Отъ разсужденій о вѣрѣ и благочестіи переходили и къ событіямъ въ политическомъ мірѣ. Молва дошла до Бѣлаго моря, будто Императрица хотѣла сочетаться бракомъ съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ; но будто, когда она объявила о томъ въ Сенатѣ, то всѣ сенаторы просили ее, чтобы этого не было. Арсеній, внимательный къ событіямъ въ политическомъ мірѣ, разсуждая о Госуда-

рынѣ, сказалъ, что «лучше бы ей выдти за мужъ за Ивана Антоновича, который съ ней не въ большомъ родствѣ, всего въ шестомъ колѣнѣ.» Вскорѣ дошла до Арсенія вѣсть, что Иванъ Антоновичь, бывшій нѣсколько мѣсяцевъ всероссійскимъ Императоромъ, погибъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Хотя манифестъ Императрицы Екатерины II и объяснилъ настоящую причину такого событія, то есть заговоръ Мировича возвести Ивана Антоновича на престолъ; но это не удержало Арсенія отъ разныхъ подозрѣній, которыя онъ обнаружилъ въ присутствіи монаха Іоасафа Лебедева, а этотъ сообщилъ своему товарищу Філарету Батогову, который въ 1767 году донесъ Архангелогородской канцеляріи. Такъ отъ устъ Арсенія «ловили слова его къ осужденію его.» Началось слѣдствіе; къ очной ставкѣ вытребовали Арсенія, Лебедева и Філарета. Въ бумагахъ у перваго нашли *молитву о гонящихъ Церковь*, выписанную изъ печатнаго Кіевскаго служебника. На допросахъ и очныхъ ставкахъ Арсеній не утаилъ того, что на него показывали доносщики. Канцелярія донесла обо всемъ Императрицѣ, которая разсматривала это дѣло сама въ Москвѣ съ генералъ-прокуроромъ и Шишковскимъ. Она повелѣла, чтобъ никто по этому доносу отнюдь истязанъ не былъ, а только бъ показана была словами строгость, сопряженная съ вѣрностію къ ея Величеству, а между тѣмъ приказала содержать это дѣло въ глубочайшемъ секретѣ. При этомъ напомнили Арсенію и прежнія его вины: какъ онъ забылъ монаршія милости покойной Императрицы и то еще, что она дважды его изволила простить въ дерзкихъ его и тогда уже поступкахъ, и удовольствовалась тѣмъ, что ему сдѣланъ былъ выговоръ въ присутствіи Сvнода, а по-

томъ взята съ него подписка о неписаніи впредь продерзостныхъ письменъ. Въ указѣ своемъ Екатерина II выразилась, «что хотя Арсеній за всѣ вышеупомянутыя преступленія, по силѣ государственныхъ правъ, подлежалъ не только жестокому истязанію, но и лишенію жизни; но какъ его разглашенія не произвели желаемаго имъ, по его злости, вреда, и остались тщетны, то ея Императорское Величество указала, изъ одного человѣколюбія и милосердія, отъ истязанія и казни его избавить, оставляя остатки дней живота его единственно на покаяніе о сдѣланномъ имъ злѣ и лукавствѣ. А чтобы и впредь изъ него такихъ зловредныхъ разглашеній, по его злому обыкновенію, происходить не могло, и тѣмъ болѣе, чтобъ отъ такихъ злостныхъ разсѣваній, легкомысленные люди не впадали въ тяжкія преступленія, какъ это уже и случилось, лишить его монашескаго чина и, переименовавъ его Андреемъ Вралемъ, послать къ неисходному житію въ Ревель.» Генералъ-Прокурору повелѣно было увѣдомить Ревельскаго оберъ-коммендаита, чтобы онъ принялъ въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ башнѣ крѣпости и изготовилъ его способнымъ къ житію человѣческому. Этотъ казематъ на водяныхъ воротахъ величиною былъ чуть не съ могилу: $10^1/_2$ футовъ длины и 7 ширины. Арсенію объявили этотъ указъ; но онъ не произнесъ, вопреки ожиданію, ни одного слова, когда снимали съ него чинъ монашескій, и когда надѣвали на него, вмѣсто иноческой одежды, сермягу арестанта и, вмѣсто клобука, треухъ.

Отъ Архангельска до Ревеля провожали его, какъ государственнаго преступника, двѣ перемѣнныя команды. Въ инструкціи конвойному офицеру приказано было «вести его секретно въ закрытыхъ саняхъ и никому

не показывать, разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть, объ имени и состояніи его не спрашивать.» Императрица, не смотря на свой гнѣвъ и предубѣжденіе, по видимому, заботилась о несчастномъ, велѣла дать ему платье, бѣлье и шубу, обходиться съ нимъ безъ грубости. Хворый старецъ, удрученный и лѣтами и скорбями и дальними переѣздами, даже въ заклепѣ крѣпости, лишенный средствъ вредить, казался опаснымъ. Боялись его рѣзкаго, обличительнаго языка, его вліятельнаго характера.

Изъ Архангельска привезъ Арсенія въ Вологду маіоръ Тоузаковъ, 1 января 1768 года, и сдалъ его тамъ офицеру фонъ Нолькену, который сопровождалъ его до мѣста заточенія, въ Ревель. Велѣно было, какъ можно, миновать С.-Петербургъ. Въ проѣздъ Арсенія черезъ Москву Екатерина пожелала видѣть этого ненавистнаго ей человѣка. Ей представили его въ саду Головинскаго дворца. Онъ сидѣлъ тамъ на лавкѣ въ дремотѣ, склонивъ голову къ груди; Государыня, приближась къ нему, пристально на него смотрѣла; тотъ, не подымая глазъ, сказалъ какія-то слова. Екатерина, зажавши уши, тотчасъ ушла отъ него. Тогда онъ содержался въ Преображенскомъ острогѣ при Тайной Канцеляріи, гдѣ допрашивалъ его Шешковскій. * Изъ этого мѣста истязаній повезъ его разными дорогами Фонъ-Нолькенъ, въ Ревель, и тамъ сдалъ своего арестанта оберъ-коммендапту Тизенгаузену, который рапортовалъ въ С.-Петербургъ, что «привезенный въ крѣпость человѣкъ имъ принятъ, посаженъ въ казематъ и офицеръ съ надлежащею

* Зритель Іюня 2, 1862 г. Краткое извѣстіе о жизни Преосвящ. Арсенія Мацѣевича.

командою опредѣленъ для караула.»* Не выпуская своего арестанта изъ виду, Государыня, писала къ Тизенгаузену: «у васъ въ крѣпкой клѣткѣ есть важная птичка; берегите, чтобъ не улетѣла! надѣюсь, не подведете себя подъ большой отвѣтъ. Народъ очень почитаетъ изстари и привыкъ считать святымъ, а онъ больше ничего, какъ превеликій плутъ и лицемѣръ.» За такого выдавала страдавшаго Арсенія раздраженная Екатерина.

Въ Архангелогородской канцеляріи оставались малоцѣнные пожитки Арсенія: св. иконы, книги, платье и пр. Она представила всеподданнѣйшій докладъ, чтобы образа (какъ будто по чему-либо подозрительные и опасные для свѣта) скрыть куда-нибудь, въ неизвѣстное мѣсто, гдѣ нельзя имѣть объ нихъ никакого свѣдѣнія, чтобы не было памяти объ Арсеніи, а прочія вещи отправить для продажи въ Коллегію Экономіи. Императрица утвердила такой докладъ, повелѣвъ Коллегіи Экономіи: «въ продажѣ имущества опальнаго поступать по прежнему обыкновенію, не объявлять однакожъ объ немъ, чье оно было.»

Въ Ревелѣ этотъ арестантъ отданъ былъ въ исключительное вѣдомство оберъ-коммендапту, которому въ особой инструкціи приказано: самому принять Андрея

* Въ Запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ во 2 книгѣ Чтенія И. О. Исторіи и Древн. Россійскихъ, 1860 г. на стр. 56 въ примѣчаніи читаемъ: . . . . „въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго митрополита Арсенія въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть во гнѣвѣ подвигнута, Сіе дѣло возникло за слово, тогда уже, когда Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской эпархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана, за представленіе противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.“

враля и весьма секретно посадить его въ приготовленный казематъ, «остерегая приставленныхъ къ нему офицера и солдатъ, чтобы весьма остерегались съ нимъ болтать; ибо сей человѣкъ,» приписала сама Императрица, «великій лицемѣръ и легко можетъ привести къ несчастію; всего лучше, еслибъ они не знали Русскаго языка.» Книги Русскія дозволялось ему дать, только оныхъ ему при караульныхъ не толковать; разговоровъ съ нимъ никакихъ не имѣть и объ имени его и состояніи его не спрашивать. Еслижь, по словоохотности, самъ станетъ о себѣ разглашать, то вѣрить сему не велѣть, а въ тоже время строжайше запретить ему говорить; а если что караульные отъ него услышатъ, тотчасъ, смотря по важности, писать секретно къ генералъ-прокурору.» Вѣрно не безъ основанія изображенъ на окнѣ при портретѣ Арсенія кляпъ, налагавшій на уста молчаніе. Не выпуская изъ виду Арсенія и въ тѣсномъ заточеніи, окруженнаго стражею, такія крайнія предосторожности брала Императрица, какъ будто отъ языка и пера узника зависѣла судьба ея и судьба государства. Въ январѣ 1768 года она въ дополненіе къ инструкціи прислала съ эстафетой слѣдующій указъ къ Тизенгаузену: «г. Ревельскій оберъ-комендантъ! Извѣстному вамъ арестанту опредѣлено по 10 коп. на день. Но если сіе на его содержаніе мало: то дайте мнѣ знать, дабы я могла прибавить; ибо мое намѣреніе есть, чтобы онъ нужды не терпѣлъ, а чтобъ онъ лишенъ былъ возможности сотворить людямъ невиннымъ и себѣ, чрезъ пустое болтанье, зло. Книги же дать ему можете, а денегъ отнюдь въ рукахъ ему не давайте. Онъ сколько старъ, столько и пронырливъ. Если же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и

одеждѣ: то удовольствуйте его безъ излишества. А въ болѣзняхъ велите его лечить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобы съ нимъ безъ грубости обходились.»

По прибытіи въ Ревель, Арсеній занемогъ отъ дороги, усталости и прискорбія. Оберъ-коммендантъ прислалъ къ нему гарнизоннаго лекаря Герца, съ котораго взялъ подписку, что, подъ смертною казнію, не будетъ спрашивать у больнаго объ его имени и званіи, и никому, до конца жизни своей, не объявитъ о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками, или какими-нибудь минами.» Тизенгаузенъ каждый мѣсяцъ посылалъ въ С.-Петербургъ рапорты съ донесеніемъ, что «извѣстный арестантъ содержится, по силѣ данной высочайшей инструкціи, и ведетъ себя тихо.»

Дѣйствительно, Арсеній, предавшись волѣ Промысла и утѣшая себя въ своемъ заточеніи чтеніемъ Св. Писанія, примирился съ жребіемъ своимъ. На стѣнѣ тѣсной своей тюрьмы онъ начерталъ углемъ: «Благо, яко смирилъ мя еси.» * Въ 1771 году, послѣ смерти Тизенгаузена, поступилъ на его мѣсто Бенкендорфъ. По этому случаю, Императрица писала къ генералъ-прокурору князю Вяземскому: «Какъ Г. П. Бенкендорфъ нынѣ оберъ-коммендантомъ въ Ревелѣ опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобы, не бывши ему порученъ Враль, не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни есть штуки, и чтобы не стали слабѣе за симъ

---

* Исторія Русской Церкви, Преосв. *Филарета Гумилевскаго,* періодъ V. Москва. 1848, въ 8.

звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ него не выливались новыя хлопоты.» * Изъ этого видно, что Императрица не преставала Арсенія опасаться, подозрѣвать и преслѣдовать его своею мыслію, какъ будто у него въ рукахъ была какая-либо ея важная тайна.

Въ 1772 году, февраля 26, Арсеній, тяжко заболѣвъ, требовалъ священника. Оберъ-коммендантъ допустилъ къ нему духовника, который исповѣдывалъ и причастилъ прежняго архипастыря, приближавшагося къ смерти. На третій день послѣ того, въ 8 часовъ утра Арсеній скончался и въ тотъ же день вечеромъ, по пробитіи вечерней зари, погребенъ въ русской Никольской церкви. Мѣсто погребенія его донынѣ тамъ показываютъ у праваго клироса, въ придѣлѣ Успенія Божіей Матери, послѣ пристроенномъ па могилѣ Арсенія. Самъ Шишковскій, хладнокровный истязатель, чувствуя жестокость своихъ розысковъ надъ бывшимъ Митрополітомъ, посылалъ, по самую смерть свою, въ Ревель деньги на панихиду по несчастномъ Мацієвичѣ. ** Оставшуюся послѣ усопшаго рухлядь велѣно раздать нищимъ, а книги: Евангеліе, Псалтырь и Святцы отдать духовнику его Ревельскому Никольскому священнику Кондратову. Съ священника и всей команды взяты подписки, что они «подъ смертною казнію, подъ конецъ своей жизни, будутъ хранить обо всемъ этомъ глубочайшее молчаніе.» Такъ желала Екатерина II скрыть отъ современниковъ послѣднюю участь и слѣды страдаль-

* Въ газетѣ День, № 17, ст. г. Лонгинова: Новые документы для біографіи Мацієвича.

** Какъ свидѣтельствуетъ Сенаторъ И. В. Лопухинъ, между прочимъ, что Арсенія исповѣдывалъ и причащалъ Ревельскій ключарь Савва. См. Зритель 1862 г. № 28.

ца, ей ненавистнаго и казавшагося опаснымъ въ самомъ заклепѣ!

Но одно преданіе такъ гласитъ: Почувствовавъ приближеніе своей кончины, Маціевичъ просилъ своего стража позвать священника для исполненія послѣдняго долга. Священникъ явился къ нему съ Св. Дарами; но вдругъ, выбѣжавъ отъ него въ смущеніи, сказалъ приставу: «Вы мнѣ говорили, что надобно исповѣдывать и причастить преступника, а предо-мною стоитъ на колѣняхъ архипастырь въ полномъ облаченіи.» Когда приставъ вошелъ самъ съ священникомъ въ тюрьму, предъ ними лежалъ на койкѣ въ сермягѣ арестантъ-страдалецъ и трепещущимъ голосомъ сказалъ духовнику: «Сынъ мой, предъ тобой не мітрополітъ, а недостойный рабъ Арсеній, идущій отдать отчетъ Господу Богу въ своей жизни. Видѣнное тобою чудо есть знаменіе Господне неизреченной милости Божіей: это значитъ, что душа моя скоро отлетитъ отъ скорбнаго тѣла.» Духовникъ, исповѣдавъ и причастивъ его, испросилъ у него себѣ благословеніе. Ему умирающій отдалъ на память свой молитвенникъ, на коемъ написано было: «Смиренный мітрополітъ Ростовскій Арсеній.» Другое жь сказаніе, записанное въ старинной тетради, свидѣтельствуетъ, что опальный Арсеній на пути своемъ къ мѣсту заточенія упросилъ сопровождавшихъ его стражей остановиться у ближайшей церкви и позволить ему исповѣдываться и причаститься. Когда, по исполненіи таинства покаянія, въ концѣ обѣдни, открылись Царскія двери для преподанія Св. Даровъ, Арсеній вдругъ явился въ архіерейскомъ облаченіи и приступилъ къ Божественной Трапезѣ; потомъ опять принялъ прежній видъ арестанта. Таковыя обно-

сятся въ Русскомъ мірѣ преданія, которымъ хотя и нельзя дать вполнѣ фактическаго значенія, но представляемъ ихъ, какъ свидѣтельство живѣйшаго участія духовенства и народа въ печальномъ жребіи бывшаго митрополита Ростовскаго.

Г. Семевскій, не указывая фактическаго доказательства, назначаетъ мѣсто заключенія и кончины Мацѣевича въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. * По свидѣтельству же одного путешественника, могилу этого страдальца показываютъ при Верхнеудинской кладбищенской церкви. ** Какъ время кончины Арсенія, такъ и мѣсто его погребенія опредѣляютъ различно: то въ 1772, то 1779, то 1787 году.

Спросятъ, отъ чего же произошли такіе толки, перешедшіе въ народное сказаніе?

Изъ дѣлъ бывшей Тайной Канцеляріи видно, пишетъ г. Чистовичь, что въ тоже самое время, какъ Арсенія Мацѣевича послали въ Ревель, другаго Арсенія, іеромонаха Нижегородскаго Печерскаго монастыря, за разныя преступленія, и между прочимъ, за ложный доносъ на Благовѣщенскаго архимандріта Іону, отправили въ дальній монастырь Иркутской губерніи. Объ Арсеніи Мацѣевичѣ не знали ничего вѣрнаго, только хо-

---

* Въ запискахъ И. В. Лопухина, помѣщенныхъ въ 2-й книгѣ Чтеній И. О. Исторіи и Древностей Россійскихъ на стр. 67 упоминается, что за нѣсколько мѣсяцевъ, предъ кончиною Императрицы Екатерины II, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, который предсказывалъ о ея кончинѣ, и точно въ то время кончина случилась. Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ уже при Павлѣ I, который нашелъ приличнымъ помѣстить его въ какой нибудь монастырь.

** Древнія святыни Ростова-великаго, соч. графа М. В. Толстаго. М. 1860 г. стр. 28.

дили слухи, что его увезли куда то изъ Николы-Корельскаго монастыря. Въ Сибири, между прочимъ, проѣзжалъ какой-то Арсеній. Молва смѣшала ихъ. Въ народѣ разгласилось-что бывшаго мітрополіта Ростовскаго везли въ Сибирь, что его видѣли въ Нерчинскомъ монастырѣ и что онъ скончался на пути въ Селенгинскій монастырь. Приверженцевъ его наказали лишеніемъ званія, а доносчиковъ наградили деньгами.

Въ такихъ превратностяхъ и тяжкихъ испытаніяхъ провелъ остальное десятилѣтіе своей жизни послѣдній митрополітъ Ростовскій, жившій при четырехъ Императорахъ и при четырехъ Императрицахъ. Тяжба его, черезъ столѣтіе, обратила на себя вниманіе и участіе русскаго міра; подняты его дѣла̀, таившіяся въ пыли архивовъ; нѣкоторыя тайны распечатаны, объ немъ обнародованы письменныя свидѣтельства и преданія, возбуждены вопросы, вызваны на судъ свѣта самъ Арсеній, его судьи, друзья и враги. Почти вся жизнь его представляетъ намъ непрерывную борьбу, то съ духовною и свѣтскою властью, то съ раскольниками и вольнодумцами, то съ личными его врагами и гонителями. Въ его поступкахъ обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характеръ, который не поддается власти и не уступаетъ силѣ, когда дѣйствія ихъ несогласны съ его убѣжденіями и правилами. Его личныхъ убѣжденій не поколебали ни царскій гнѣвъ, ни возстаніе на него собратій, ни лишеніе святительскаго сана, ни истома въ мрачной и душной тюрьмѣ, ни розыски Шишковскаго, ни угрожавшая ему смертная казнь; обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсеній дѣйствовалъ не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писалъ и говорилъ

смѣло съ самоотверженіемъ. Кормчую онъ ставилъ выше духовнаго регламента, царскаго указа и присяги, потому что смотрѣлъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе, за которое стоять и жертвовать собою вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность и заслугу. Собратія его втайнѣ раздѣляли его убѣжденія; но явно никто изъ нихъ не отважился присоединиться къ нему. Мало того, нѣкоторые даже возставали противъ него. При столкновеніи правъ и обязанностей, онъ опирался только на свои права, какъ пастырь Церкви, уклоняясь отъ обязанностей вѣрноподданнаго. Вотъ отъ чего смѣлость и свобода его протестовъ, направленныхъ не противъ личности Самодержицы, но противъ собратій и членовъ коммиссіи, принята тогда за оскорбленіе Величества, а самое дѣйствіе за мятежъ и крамолу! Вотъ отъ чего мнѣнія объ немъ различны! Народъ, сострадая объ немъ, какъ о несчастномъ пастырѣ, почиталъ его правдивымъ, благочестивымъ, ревностнымъ поборникомъ Православія, и какъ сама Императрица выразилась въ письмѣ своемъ, «святымъ»; она же находила въ Арсеніи «лицемѣра, пронырливаго, лукаваго, злобнаго, опаснаго для себя враля». Такое мнѣніе Государыни, повидимому, возбуждено въ ней не одними рѣзкими протестами Ростовскаго владыки, въ ея царствованіе, но какими нибудь предшествовавшими обстоятельствами въ царствованіе ея тетки Елисаветы Петровны, когда были партіи и противъ нея; потому что она, какъ видно изъ ея писемъ, почитала Арсенія не только противникомъ ея воли, но и личнымъ своимъ врагомъ.

Такъ расходился судъ народа объ Арсеніѣ съ судомъ разгнѣванной Государыни.

Предавая тотъ и другой судъ суду Божію, не оставимъ забвенію пастырскихъ подвиговъ Ростовскаго митрополіта, который открылъ мощи своего святаго предшественника Димитрія и, по порученію св. сvнода, почтилъ его память сочиненіемъ его житія и службы.

Подражая этому Святителю въ ревности по Православію, онъ письменно и словесно обличалъ раскольниковъ и нѣкоторыхъ успѣлъ обратить на правый путь; его дополненіе къ *Обличенію неправды раскольничей* заслуживаетъ особенное вниманіе по своему содержанію и достоинству *. Ощутительное вліяніе лютеранства въ Россіи, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, противодѣйствіе Православію Бирона съ Минихомъ и Остерманомъ, вызвало его ревность на опроверженіе его. Объ усердіи его въ проповѣданіи Слова Божія для назиданія паствы своей, свидѣтельствуютъ печатныя и письменныя его проповѣди, хранящіяся въ библіотекахъ Ярославской семинаріи и другихъ. Исторія просвѣщенія въ Россіи не забудетъ попеченій сего пастыря объ устроеніи духовныхъ училищъ и о водвореніи въ нихъ ученія, болѣе сообразнаго съ духомъ Русскаго народа и съ потребностями духовенства. «Школы при архіереяхъ», писалъ онъ въ протестѣ 6 Марта 1763 года, «не иныя нужны, только русскія: понеже въ церквахъ у насъ не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по русску.» Въ сочиненіяхъ его выразилась съ преданностію къ св. вѣрѣ любовь къ отечеству и приверженность къ праотеческимъ обычаямъ и нравамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвращеніе къ нововведеніямъ.

---

* Православный собѣсѣдникъ. Казань, 1861 г. Декабрь.

Чуждый корысти и любостяжательности, Арсеній раздѣлялъ доходы свои съ бѣдными и нищими; доказательствомъ тому опись скуднаго его имущества. Богатство его состояло въ библіотекѣ, которая поступила въ Ярославскую семинарію. Скажутъ: недоставало только смиренія подписывавшемуся *смиреннымъ*; но кто знаетъ, что въ самомъ смиреніи, этой личной добродѣтели, онъ предпочелъ ревность ополчаться перомъ и языкомъ за права Церкви, освященныя давностію, и какъ человѣкъ съ энергическимъ характеромъ, не могъ не увлечься своимъ личнымъ убѣжденіемъ и въ увлеченіи своемъ не могъ удержаться отъ оскорбительныхъ и дерзкихъ выраженій. Уже путемъ тяжкой истомы и страданій Арсеній наконецъ достигъ глубокаго смиренія въ Ревельскомъ казематѣ, на краю своей могилы. Тамъ всѣми оставленный, кромѣ своихъ суровыхъ, безмолвныхъ стражей и разныхъ гадинъ, лишенный надежды на свободу и помилованіе, онъ, подобно опальному Никону Патріарху, обращаясь къ «Посѣтителю душъ» тамъ взывалъ: «Благо, яко смирилъ мя еси, Господи!»

2007051350